

УДК 391+299.4(=811.511.131)

Р. Р. Садиков, Е. Е. Никонорова

Институт этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН
ул. Карла Маркса, 6, Уфа, 450077, Россия
E-mail: kissapi@mail.ru

КРАСНОУФИМСКИЕ УДМУРТЫ: ИСТОРИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Статья посвящена совершенно не исследованной в этнографическом отношении группе удмуртов, проживающих в Красноуфимском районе Свердловской области. Работа написана на основе публикации архивных источников и полевых материалов авторов. Впервые делается попытка обобщить имеющиеся материалы, дать характеристику этнографической специфики этой группы удмуртского этноса. Внимание авторов сфокусировано на вопросах развития современной этнокультурной ситуации, традиционных верований и культа, использования народной одежды.

Ключевые слова: удмурты, локальная группа, этнография, традиционная одежда, традиционные верования, ассимиляционные процессы.

В селах Юва и Верхний Бугальш Красноуфимского района Свердловской области проживает незначительная по численности, но очень своеобразная в этнографическом и лингвистическом планах группа удмуртов. В этих селах проживают также марийцы, которые составляют основное население. Марийскими населенными пунктами района являются села Марийские Ключики, Сарсы Вторые, Большая Тавра, Марийский Усть-Маш [Lallukka, 2003. P. 229]. Находясь с марийцами в давних и тесных контактах, местные удмурты испытали с их стороны сильнейшее этнокультурное воздействие, что нашло отражение как в материальной и духовной культуре, так и в языке. Красноуфимские марийцы составляют одну из подгрупп уральских марийцев (по самоназванию йопоньш мари, т. е. уфимские марийцы), сформировавшуюся в результате переселения марийцев в верховья р. Уфа с территории Уфимской губернии [Чагин, 2002. С. 229]. На новых местах обитания они подверглись влиянию со стороны так называемых конгыр мари, т. е. кунгурских марийцев, проживающих ныне в Ачитском, Артинском, Нижнесергинском районах Свердловской области и Суксунском, Ки-

шертском районах Пермского края. Вероятно, удмурты двигались в верховья р. Уфа в общем миграционном потоке с марийцами, или же они шли в авангарде этого движения, так как марийские предания сообщают, что удмурты поселились здесь значительно раньше марийцев [Там же. С. 216].

По сведениям информантов, сегодня в Верхнем Бугальше и Юве проживает несколько десятков удмуртов (так, например, работники сельсовета смогли насчитать в Верхнем Бугальше 27 удмуртов), тех же, кто владеет удмуртским языком – около 10–15 человек в каждом селе, многие из них люди преклонного возраста.

Из разговоров с местными жителями выяснилось, что, при сохранении этнического самосознания, удмурты при переписях записываются марийцами; в официальных документах, в частности в книгах похозяйственного учета, они также зафиксированы марийцами (интересно, что в обоих селах в похозяйственных книгах отмечены по два удмурта – все они не местные уроженцы). Таким же образом ранее их отмечали марийцами в паспортах.

По данным конца XIX в. в этих селах еще отмечались удмурты (вотяки): в Юве

они даже преобладали над марийцами. Всего в Красноуфимском уезде Пермской губернии в 1897 г. было учтено 434 удмурта [Первая..., 1904. С. 3]. Материалы первых советских переписей в Юве больше не отмечают удмуртов, в то время как в Верхнем Бугальше их зафиксировано более ста человек [Насибуллин, 1978. С. 90–91]. О былой многочисленности удмуртского населения, хотя бы в той же Юве, свидетельствуют названия двух больших улиц (ранее концов): Большие Вотяки и Малые Вотяки; удмурты их называют Бадчын удморт и Покчи удморт; марийцы – Кугу одо и Изи одо.

Причина почти полной ассимиляции – длительное совместное проживание с преобладающими по численности марийцами, прекращение контактов с другими группами удмуртов в связи с удаленностью. По сведениям лингвиста Р. Ш. Насибуллина, в 1970-е гг. число супружеских пар, состоявших только из удмуртов, в обоих селах было не более пяти [Там же. С. 90].

Относительно этнического самосознания удмуртов необходимо отметить, что, хотя они и относят себя к удмуртскому этносу, но в то же время замечают, что уже не «настоящие» удмурты: «ми индэ, бен, порэ кошкыса быреммы» («мы уж ведь стали марийцами», букв. «ушли в марийцы»).

Малочисленность красноуфимских удмуртов и их инкорпорированность в марийскую культуру послужили причиной их очень позднего «открытия» для науки. Например, о наличии удмуртов (вотяков) в с. Юва Красноуфимского уезда Пермской губернии говорит в своей работе антрополог С. Соммье [Соммье, 1896]. Первые научные публикации, касающиеся языка, появляются только в 1970-е гг., после того, как в 1975, 1976 и 1977 гг. к удмуртам сел Юва и Верхний Бугальш совершил свои экспедиции Р. Ш. Насибуллин. Собранный им уникальный полевой лингвистический материал нашел отражение в работах ученого [Насибуллин, 1978; 1981]. В 1982 г. у красноуфимских удмуртов работала этнографическая экспедиция Удмуртского государственного университета под руководством В. Е. Владыкина [Лебедева, Атаманов, 1987. С. 116]. Но, к сожалению, материалы этой экспедиции не нашли отражения в отдельной публикации. Из современных работ, в которых имеются некоторые сведения о красноуфимских удмуртах, можно назвать учебное

пособие для школ Г. Е. Чагина [2002] и работу М. Г. Атаманова [2005].

Таким образом, можно отметить, что в этнографическом отношении красноуфимские удмурты совершенно не исследованы. С целью сбора материалов по этнографии этой небольшой локальной подгруппы удмуртов авторами статьи в 2002 и 2006 гг. были предприняты научные командировки в села Юва и Верхний Бугальш Красноуфимского района Свердловской области (маршрут экспедиции 2006 г., помимо указанных, включал также села Марийские Ключики, Усть-Маш, Сарсы Вторые, Большая Тавра, где проживают уральские марийцы). В ходе бесед с местными жителями была получена информация по современной этнокультурной ситуации среди местных удмуртов, по традиционным религиозным верованиям и обрядам, традиционной одежде и ее декорированию. Предварительные материалы по экспедиционному выезду 2002 г. были опубликованы Р. Р. Садиковым в небольшой статье [2003].

Впервые исторические источники фиксируют удмуртов в данной местности в 1679 г. (Переписная книга Кунгурского уезда) [Чагин, 1995. С. 46; Сепеев, 1975. С. 28]. Тогда в Кунгурском уезде в 10 юртах проживало 15 удмуртов мужского пола [Чагин, 1995. С. 46]. Переписная книга Кунгурского уезда 1704 г. показывает 18 удмуртских семей. Они проживали в одной удмуртской и четырех смешанных (марийцы, татары, чуваша) деревнях [Там же]. В одном источнике сообщается, что ювинские удмурты и марийцы приобрели землю в 7205 (1697) г. «совместно с жителями деревень Татарская Еманзельга, Верхний и Средний Бугальш и Усть-Маш по одному документу у башкир-вотчинников Сызгинской дачи... Пришли из Вятской губернии, сели на башкирскую землю с условием отбывать за них натуральные повинности: чинить мосты, править дороги» [Материалы..., 1893. С. 81]. Но, как отмечает Р. Ш. Насибуллин, удмуртское население «по преданию старожилов, до обоснования сел Юва и Верхний Бугальш жило на том месте, где сейчас находится деревня Марийские Ключики», которую жители соседних марийских деревень и ныне называют Одо сола, т. е. «удмуртское село» [Насибуллин, 1978. С. 86]. Исследователь, ссылаясь на местные предания, пишет, что первоначальными жителями Ювы и

Верхнего Бугальша были удмурты, а марийцы появились позднее [Насибуллин, 1978. С. 88]. Наши информанты также подтвердили, что первоначально удмурты жили в д. Одо сола (Марийские Ключики). Видимо, удмуртское население проживало также в с. Усть-Маш, где имеется улица Одо, т. е. удмуртская [Атаманов, 2005. С. 135]. В дальнейшем удмуртское население в Марийских Ключиках и Усть-Маше не фиксируется.

Очень своеобразен язык красноуфимских удмуртов. В их речь проникло много марийских слов, употребительны марийские окончания, общеудмуртские свистящие «с» и «з» во всех позициях перешли на марийские «ш» и «ж» и т. д. [Насибуллин, 1978. С. 94; 1981. С. 150]. Р. Ш. Насибуллин делает предположение, что красноуфимские удмурты – «потомки арских удмуртов, предки которых территориально жили в тесных контактах с марийцами и татарами» [Насибуллин, 1978. С. 95], т. е. они еще до переселения на новые земли находились под значительным марийским языковым и этнокультурным влиянием. М. Г. Атаманов предполагает, что, судя по лексике, фонетическим и морфологическим особенностям, красноуфимские удмурты являются выходцами из южных регионов расселения удмуртов, из среды носителей диалекта кукморско-мамадышского типа [Атаманов, 2005. С. 136].

Информанты отмечают, что в настоящее время на удмуртском языке разговаривает только старшее поколение, но и они только в тех случаях, когда собирается вместе несколько удмуртов. В семьях, как правило, разговаривают на марийском языке, поскольку семей, состоящих исключительно из удмуртов, не сохранилось. Впрочем, такая ситуация не нова, она существовала и ранее. По словам М. М. Мурсалимова, он разговаривал по-удмуртски только с дедом и отцом, так как бабушка и мать были марийками, с ними он общался на марийском языке: «Азьло пересь дияй доры мынисько но мон, шо удмуртла вераське. Кышноез тожо пор вал. Вот шо гынэ, дияй но дияйлэн дияйез удмуртла вераськиськом вал» – «Раньше я ходил к бабушке, и он разговаривал со мной на удмуртском. Жена его марийкой тоже была. Вот только он с отцом и отцом отца разговаривали на удмуртском». Удмуртский язык в школе никогда не пре-

подавался, хотя, например, в школьной библиотеке с. Верхний Бугальш были книги на удмуртском языке. Некоторые жители выписывали удмуртскую периодику, например, журнал «Молот», но, как они отмечают, читать им на удмуртском языке сложно, так как литературный язык очень сильно отличается от их диалекта. Затруднительна для них также беседа с удмуртами, носителями других диалектов. Например, в Верхнем Бугальше проживает семья удмуртов из Удмуртии, и, по словам местных удмуртов, их язык совершенно другой, его трудно понять.

Материальную культуру удмуртов сегодня можно характеризовать как полностью марийскую. Не представляется возможным выделить даже незначительные признаки, которые бы отличали их от марийцев. Особенно это заметно в сфере традиционной одежды.

Одежда удмуртского населения Красноуфимского района уже к началу XX в., вследствие ассимиляционных процессов, утратила в целом этническую специфику и практически повторяет крой и декор марийского костюма. Наши информанты-удмуртки показывали одежду своих матерей, родившихся в конце XIX – первые годы XX в.: белые кафтаны ош шовыр, головные уборы шына шовычо и др., которые и конструкцией, и декором полностью соответствовали марийским аналогам. Однако в середине XIX в. одежда удмуртов этой территории еще сохраняла свои особенности, которые, к сожалению, не фиксировались исследователями XVIII–XIX вв. О специфике удмуртской одежды того времени можно судить по фотографиям из архива Этнографического музея Казанского государственного университета (№ ЭМУ/И-Ф-VI6-196; ЭМУ/И-Ф-VI6-199; ЭМУ/И-Ф-VI6-202). На этих снимках женщина удмуртка запечатлена в национальном головном полотенчатом уборе чалма. Такого типа убор не носили уральские марийки. Своеобразно декорирована грудка рубахи: грудной разрез по центру обрамлен полосами вышивки с мысовидным завершением; нашитые полоски, идущие от нижнего края вышивки вверх и в стороны, образуют на груди широкий угол, его внутреннее пространство по сторонам вышивки украшено аппликацией из небольших лоскутков. Такое убранство не встречалось на рубахах уральских мариек. Дополняют

Рис. 1 (фото). Удмуртка Красноуфимского уезда Пермской губернии: на голове – полотенчатый убор; в ушах – серьги с пушками; на рубашке видна нашивка, идущая от края нагрудной вышивки широким углом вверх; разрез застегнут круглыми фибулами (из архива Этнографического музея Казанского государственного университета, № ЭМУ/И–Ф–VIб–196)

Рис. 2 (фото). Та же удмуртка в полный рост (№ ЭМУ/И–Ф–VIб–202)

костном красноуфимской удмуртки фартук и кафтан из темного полотна. Фартук по подолу украшен широкой полосой тканого орнамента, соединительные швы центрального полотнища закрыты нашитыми полосками (рис. 1, 2).

В ходе полевых исследований нам удалось установить и специфику декоративного оформления удмуртских мужских рубах. Так, уже упомянутый информант М. М. Мурсалимов сообщил, что удмуртские мужские рубахи, в отличие от марийских, не имели нашивки красной полосы, расположенной на груди и спине широким углом. Вместо нее удмуртские рубахи украшались аппликативной «звездочкой» из красной ткани, расположенной по центру спинки. В музее с. Юва нам удалось встретить рубаху с такими же особенностями (рис. 3, 4). На этой мужской рубахе, сшитой из белого холста, отсутствовал обязательный для марийских мужских рубах декоративный элемент – нашивка красной полосы, образующая широкие углы на груди и на спине. Нагрудный разрез этой рубахи был оформлен также нетипично для марийских рубах. По сторонам нагрудной вышивки симметрично с двух сторон (на середине ее высоты) расположены аппликативные узоры, выложенные красными треугольными лоскутами разных размеров. Вышивку снизу обрамляют такие же красные треугольники, нашитые парами (вершина одного упирается в основание другого). Отсутствие на груди и плечах нашивок, характерных для марийской традиции, позволило нам предположить на основе приведенного выше свидетельства информанта, что эта рубаха принадлежала красноуфимским удмуртам. В пользу этого предположения говорила и аппликация по сторонам нагрудной вышивки, композиция которой, составленная из треугольных лоскутов, с одной стороны, была нехарактерна для марийцев, а с другой – органично вписывалась в декоративные традиции удмуртов, для которых были типичны мотивы, составленные из треугольников и квадратов (ромбов). В таких мотивах треугольники располагаются обычно вершина к вершине, или вершина упирается в середину основания другого треугольника. Подобные мотивы можно встретить в вышивке на платках «айшон сюлык», в нарукавной вышивке женских рубах, в аппликации на платках

и косынках. П. С. Паллас, продвигаясь через Красноуфимск в северные районы Башкирии, описывает аппликативный декор верхней одежды местных удмуртов: «как прорехи в рукавах, так и прочие места разноцветными лоскутами в узоры уложены» [Паллас, 1788. С. 33].

Документальным подтверждением наших предположений стали фотографии из архива Этнографического музея Казанского университета, на которых изображены удмурты Красноуфимского уезда. На запечатленных на снимках мужчинах можно рассмотреть рубахи, декор которых точно соответствует убранству вышеописанной рубахи из музея с. Юва (рис. 5, 6). Такие рубахи, очевидно, сохранялись местами до первых десятилетий XX в. в качестве семейных реликвий. Рубаха из Ювы – редчайший образец старинной рубахи красноуфимских удмуртов, сшитой из белого холста. Судя по фотографиям XIX в., она достаточно точно отражает местные удмуртские традиции в одежде. Эти обстоятельства позволяют нам использовать ее в качестве образца для их характеристик. Так, ювинская рубаха сшита из белого домотканого холста, имеет туникообразный крой (ширина центрального полотнища – 33 см), прямые боковины из того же холста (ширина $15,5 \times 2$ см) и ворот-стойку. Грудной разрез расположен по центру. Рубаха в верхней части подшита подоплекой. Рукава прямые (ширина – 16 см), по краю собраны несколькими защипами и обшиты полоской красной ткани. Между рукавами и станом вшиты треугольные клинообразные ластовицы (5×17 см) из белого холста. Ворот, подоплека и рукава изготовлены из синей мелкоклетчатой пестряди. Длина рубахи – 89 см. На вороте и груди украшена вышивкой, расположенной вдоль разреза. Вышивка исполнена шерстяными нитками; по технике и орнаменту она больше соответствует марийской вышивке на пестрядинных рубахах. По краю ворот и разрез обшиты полоской черной ткани, поверх которой нашиты красный и белый бисер, блестки. Подол украшен бордюром крупного геометрического орнамента, выполненного красными нитками в технике браного ткачества. Нижний край рубахи обшит широкой полосой красной ткани.

Ювинская рубаха наглядно демонстрирует не только своеобразие декора одежды красноуфимских удмуртов, но и проявления

Рис. 3 (фото). Рубаха из с. Юва: нагрудная вышивка (фото Е. Е. Никоноровой, 2006 г.)

Рис. 4 (фото). Та же рубаха: общий вид

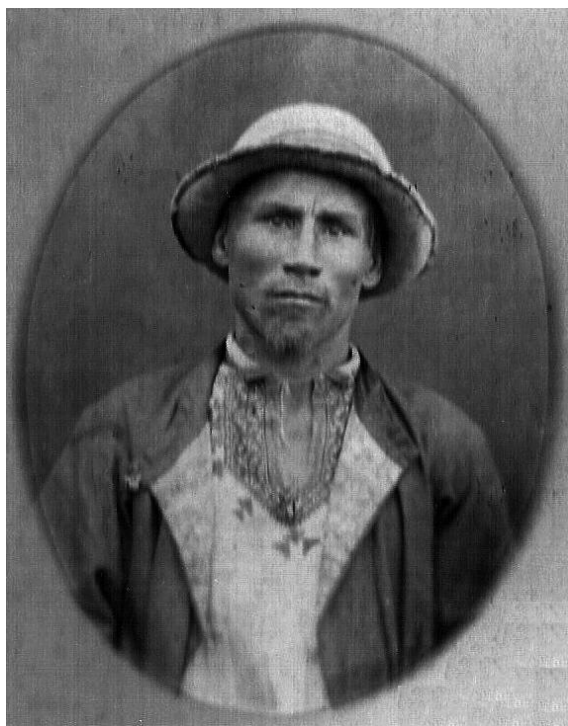

Рис. 5 (фото). Удмурт Красноуфимского уезда Пермской губернии в рубахе, декор нагрудной части которой совпадает с убранием рубахи из с. Юва (из архива Этнографического Музея Казанского государственного университета, № ЭМУ/И-Ф-VI6-196)

Рис. 6 (фото). Удмурты Красноуфимского уезда Пермской губернии (№ ЭМУ/И-Ф-VI6-202)

удмуртско-марийского взаимодействия в этой сфере. Как мы уже отмечали, много общего (в материале, технике и орнаменте) с марийскими традициями имеет ее нагрудная вышивка. Тканый орнамент на подоле ювинской рубахи полностью совпадает с подольным тканым узором марийских рубах. Как и все марийские рубахи из белого холста, описанная удмуртская имеет рукава из сине-белой мелкоклетчатой пестряди.

Поверх рубах, если судить по фотографиям, мужчины носили верхнюю одежду с глухой застежкой на груди (правая пола перекрывает левую). В качестве головных уборов на фото видна светлая войлочная шляпа, очевидно, домашнего производства. Такие головные уборы широко бытовали у удмуртов Башкирии еще в начале XX в. [Гринкова, 1940].

Наблюдается определенная марийско-удмуртская асимметрия полоразделительных признаков в декоре одежды. Так, зафиксированное фотографией XIX в. размещение нашитых полосок широким углом на груди женских удмуртских рубах, соответствуют традиционному способу украшения марийских мужских рубах. Композиция же оформления грудки мужских удмуртских рубах, как это ни странно, более соответствует декору женских марийских рубах. Их сближает отсутствие нашивки красной полосы широким углом от плеч к центру груди и размещение нашивок в форме полурозеток по обе стороны нагрудной вышивки, на середине ее высоты. У нас нет удовлетворительного объяснения такой асимметрии.

Декору описанной ювинской рубахи соответствуют и некоторые чувашские параллели. Они прослеживаются в убранстве чувашских женских рубах. Сходство проявилось в использовании для украшения одежды нашитых мельчайших квадратиков, сложенных из ткани. Такие квадратики дополняли на груди удмуртской рубахи аппликацию из более крупных красных лоскутков, а у чувашек Самарской области они обрамляли основной (вышитый или аппликативный) декор рубах и передников. Квадратики эти на чувашской одежде чередовались в ряду – красные и черные; на рассмотренной выше удмуртской рубахе черные квадраты чередуются с зелеными (но при этом красный цвет является основным для нагрудного аппликативного узора). Другим сближающим признаком было раз-

мещение в центре спинки декоративных розеток, подобно тому, как на удмуртских мужских рубашках в середине спинки располагалась красная аппликативная «звездочка», на спинке девичьих рубах саратовских чувашей вышивалась розетка сложного строения, элементы которой располагались «снежинкой» – по горизонтальной, вертикальной и диагональным осям. В иных случаях центр спины на чувашских женских рубашках выделялся ромбом, выложенным нашивками красных тканевых полос. Т. М. Акимова предполагала особую важность такого элемента в декоре чувашской женской одежды [Акимова, 1928. С. 29]. Вероятно, этот знак на удмуртских и чувашских рубашках выступал в качестве магического оберега. Мы не располагаем пока объяснением отмеченных аналогий, но несомненно, что некоторые особенности декора описанных удмуртских и чувашских рубах имеют общие истоки. В целом удмуртско-чувашские параллели в декоре одежды многочисленны. Среди них можно отметить нарукавные розетки хултърмач (чув.) – колтрмач (удм.), треугольную нашивку из красного кумача на девичьих рубашках с левой стороны от грудного разреза и иное. Отмеченные нами параллели, очевидно, продолжают этот ряд.

Марийские элементы начинают постепенно проникать в одежду удмуртов уже в середине XIX в. На упомянутой фотографии удмуртки Красноуфимского уезда мы видим на ее рубашке медные круглые застежки-обереги шыркама, широко бытовавшие у марийцев и не носившиеся удмуртами других территорий. В ушах женщины – серьги из гусиных (лебяжьих) пушков и монет. Такие ушные украшения продолжали носить местные марийки еще в XX в. Очевидно, ассимиляционные процессы протекали в удмуртской среде стремительно, позволив фактически за полвека полностью вытеснить традиционную удмуртскую одежду и головные уборы марийскими. В XX в. женская одежда удмуртов и марийцев Красноуфимского района Свердловской области составляла уже единый комплекс, в котором натальной одеждой служила пестрядинная рубашка с характерной вышивкой, носимая с фартуком, а верхней летней одеждой являлся дьелан (йелан), верхней обрядовой одеждой служил белый кафтан ош шовыр. Удмуртки восприняли и традиционный марийский головной убор – шына шовычо,

который являлся практически этническим символом. Сохранилась лишь удмуртская терминология. Так, рубашку называли и «тувыр», и по-удмуртски «дэрем», фартук – и «ончилан сакыме», и «асет», пояс и «ўштö», и «кускертон». Узоры называли также по-удмуртски – «пужы», а нагрудную вышивку рубах и по-марийски – «мель», и по-удмуртски – «муштор» (муштор, мусдор – грудь, бюст). Обратное влияние удмуртской одежды на марийскую, которое нам удалось выявить, запечатлелось в названии марийских узких поясков одо ўштö, (одола ўштö) – «удмуртский пояс».

Представленные материалы свидетельствуют о том, что одежда удмуртов данной территории в XIX в. имела специфические особенности декора, которые отличали ее от одежды не только соседнего марийского населения, но и от других групп удмуртского этноса.

Духовная область культуры также подверглась глубокой трансформации. К настоящему времени все календарные и семейно-родовые обряды переняты от марийцев, хотя в прошлом были и некоторые отличия. Например, одна из информанток отметила их в поминальной обрядности: «Кулэмъёслы “Киямат турэ шужы, Киямат сауз шужы” шуыса нянь куштиськом. Кин кулэм ке, лимыныз вераса, шужы шуиськом. Азьло удмуртзос чеке шуиллям» (букв.: «Умершим “Киямат турэ шужы, Киямат сауз шужы” говоря, хлеб бросаем. Кто умер, произнеся его имя, шужы говорим. Раньше удмурты чеке говорили»). «Чеке» – слово-обращение к умершим предкам, употребляемое некоторыми группами удмуртов при поминках. Праздник Великого дня (совпадающий с Пасхой), наряду с марийским названием Коче бэйэм, сохраняет и удмуртское наименование – Быччынал бэйэм.

Своих умерших удмурты хоронят на общих с марийцами кладбищах, но там у них существуют отдельные участки. Похоронные обряды не отличаются от марийских. По краям могилы с двух сторон, как и марийцы, втыкают стволы молодых берез, куда завязывают полотенца.

До коллективизации (в Юве даже в послевоенный период) удмурты проводили моления-жертвоприношения (вэсь бэйэм). Но, к сожалению, информанты очень смутно их представляют; обычно они знают о них только со слов более старшего поколе-

ния или из воспоминаний детства. Удалось выяснить, что удмурты проводили моления отдельно от марийцев; у них существовали специальные жертвенные места (вэсь чалук), где росли березы. В год проводили два крупных общественных моления – летом и зимой (установить более точное время не удалось). На них жертвовали жеребят, телят, баранов, гусей. Мелкие кости жертв сжигали на костре, крупные – вешали на деревья. На моление приходили, помывшись в бане, надев белую ритуальную одежду (ош шовыр). Выбранное животное испытывали: примет ли его бог Инмар. Для этого обливали его водой, если оно встрепенется – значит можно принести в жертву.

У красноуфимских удмуртов под влиянием марийцев отдельные семьи и патринические группы имели свои собственные святилища – керемет. В с. Юва они располагались в березовой роще. Ходили туда молиться два раза в году – летом и зимой. Приносили в жертву баранов, кости которых затем развешивали на деревья. На молениях участвовали как мужчины, так и женщины, а также дети. Священные рощи были огорожены. В зависимости от того, кто молился в той или иной роще, они назывались по именам старейшин рода: «Кин куриське ке, шолэн лимтиз шу. Кензашлэн кереметэз ке, Кензаш керемет. Ичу куриське ке, Ичу керемет» («Кто молится, его именем называют. Если керемет Кензаша, то Кензаш керемет. Если Ичу молится, то Ичу керемет»). По сведениям С. Соммье, кереметы в Юве располагались в лесу, один подле другого. Они были окружены частоколом с калиткой [Соммье, 1896. С. 100].

В окрестностях марийского с. Большая Тавра Красноуфимского района среди девяти кереметов, которые названы по именам основателей родов (например, Эшпай керемет, Алек керемет, Шэникэй керемет, Эсан керемет, Семон керемет), имеется также Одо керемет. В переводе с марийского оно означает Удмуртский керемет. По словам информанта Б. А. Александрова, его бабушка Малика рассказывала ему, что на этом месте молились удмурты из деревень Юва, Верхний Бугальш и Одо Сола (Марийские Ключики) Красноуфимского района. Приезжали они на моление все в белой одежде верхом на белых конях. В отличие от марийцев, которые сжигали кости жертвенных животных, удмурты кости и шкуры

вешали на дерево. В 1901 г. провели последнее моление. Молиться здесь перестали в связи с тем, что какие-то конокрады украли лошадь из соседней деревни и зарезали на месте Одо керемет. Об этом узнали удмурты и перенесли керемет на новое место, так как посчитали старое место оскверненным. Вероятно, Одо керемет был основан удмуртами во время переселения, по пути на новые места жительства, поскольку все три деревни красноуфимских удмуртов находились дальше этой местности.

В кереметах проводили также частные моления при болезнях: «Кереметэ черлакы курисько вал. Пудоошыз сётыло вал» («В керемете молились когда заболели. Скотину давали»). Были у них и куала: «Куала шуыло вал. Кенош кадь пуке. Куалайын ук куриськыло вал, лэся» (Куала говорили. Стояла как кенос (клеть). В куале вроде не молились).

Таковы, к сожалению, очень отрывочные сведения о религиозной обрядности красноуфимских удмуртов, полученные в ходе экспедиции.

Значительную в прошлом и сохранившуюся ныне в единичных своих представителях, данную группу удмуртов по территории проживания и истории формирования (переселение на башкирские земли) можно отнести к закамским удмуртам, выделив их в отдельную красноуфимскую подгруппу.

Список литературы

Акимова Т. М. Эволюция женского костюма у саратовских чуваш // Тр. Нижне-Волжского обл. науч. об-ва краеведения: Этногр. секция. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 5. С. 25–39.

Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсугурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск, 2005. 216 с.

Гринкова Н. П. Домашние промыслы, связанные с изготовлением одежды у удмуртов Башкирской АССР // СЭ. 1940. № 3. С. 107–141.

Лебедева С. Х., Атаманов М. Г. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 112–150.

Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Казань, 1893. Вып. 4. 155 с.

Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 86–151.

Насибуллин Р. Ш. Диалекты Закамья и Урала I // Материалы по удмуртской диалектологии. Образцы речи. Ижевск, 1981. С. 149–180.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. Т. 3, ч. 2. 480 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. 31: Пермская губерния.

Садиков Р. Р. Красноуфимские удмурты (этнодемографическая и этнокультурная характеристика) // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность: Материалы Межрегион. науч.-прак. конф. Уфа, 2003. С. 261–264.

Сенеев Г. А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Йошкар-Ола, 1975. 248 с.

Соммье С. О черемисах. Этнографическо-антропологический очерк // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1896. Т. 17, вып. 1. С. 83–117.

Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX в. Пермь, 1995. 364 с.

Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв.: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2002. 296 с.

Lallukka S. From Fugitive Peasant to Diaspora. The Eastern Mari in Tsarist and Federal Russia. Helsinki, 2003. 473 p.

Список информантов

Скарадина Мария Бекбаевна, 1914 г. р., с. Верхний Бугальш, 2002 г.

Михайлова Дарья Бекбаевна, 1930 г. р., с. Верхний Бугальш, 2002 г.

Янбаева Анюшка Степановна, 1920 г. р., с. Юва, 2002

Тихонова Падиян Ивачевна, 1926 г. р., с. Юва, 2002 г.

Шашкина Татьяна Каримовна, 1927 г. р., с. Юва, 2006 г.

Андреев Иван Андреевич, 1930 г. р., с. Юва, 2006 г.

Мурсалимов Михаил Михайлович, 1930 г. р., с. Верхний Бугальш, 2006 г.

Чебаев Василий Прохорович, 1939 г. р., с. Верхний Бугальш, 2006 г.

Александров Борис Алексеевич, 1938 г. р., с. Большая Тавра, 2006 г.

Васильева Анна Ивановна, 1934 г. р., с. Юва, 2006 г.

Комисарова Екатерина Михайловна, 1920 г. р., с. Усть-Маш, 2006 г.

Материал поступил в редколлегию 28.04.2009

R. R. Sadikov, E. E. Nikonorova

THE KRASNOUFIMSKIY UDMURTS: HISTORY AND ETHNO-CULTURAL CHARACTERISTICS

Here will be examined the Udmurts of Krasnoufimskiy district, Sverdlovskiy province. Ethnographic local features of this group had never been explored up nowadays. In this article are used the archive sources, publications, and field research materials of the authors. This is the first attempt to generalize the existing materials and to specify the ethnographic characteristics of these Udmurts. The main point is concentrated upon the modern ethno-cultural situation, traditional beliefs and worships, also folk clothes.

Keywords: Udmurts, local group, ethnography, traditional clothes traditional beliefs, assimilation processes.